

ЖОРЖ ДЮБИ

ТРЕХЧАСТНАЯ МОДЕЛЬ ИЛИ ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА О САМОМ СЕБЕ

УНИВЕРСИТЕТСКАЯ
БИБЛИОТЕКА
ИСТОРИИ

STUDIA HISTORICA

STUDIA HISTORICA

Georges Duby

Les trois ordres
ou
l'imaginaire
du féodalisme

Ouvrage réalisé dans le cadre du programme d'aide à la publication *Pouchkine*
avec le soutien du Ministère des Affaires Etrangères français
et de l'Ambassade de France en Russie

EDITIONS GALLIMARD

Жорж Дюби

ТРЕХЧАСТНАЯ МОДЕЛЬ,
ИЛИ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ
СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА
О СЕБЕ САМОМ

Перевод с французского
Ю. А. Гинзбург

Издание осуществлено в рамках программы «Пушкин»
при поддержке Министерства Иностранных Дел Франции
и Посольства Франции в России

ЯЗЫКИ РУССКОЙ КУЛЬТУРЫ
Москва 2000

Издание выпущено при поддержке
Института «Открытое общество» (Фонд Сороса)
в рамках мегапроекта «Пушкинская библиотека»

This edition is published with the support of the Open Society
Institute within the framework of «Pushkin Library» megaproject

Редакционный совет серии «Университетская библиотека»:

Н.С. Автономова, Т.А. Алексеева, М.Л. Андреев, В.И. Бахмин,
М.А. Веденяпина, Е.Ю. Гениева, Ю.А. Кимелев, А.Я. Ливергант,
Б.Г. Капустин, Ф. Пинтер, А.В. Полетаев, И.М. Савельева,
Л.П. Репина, А.М. Руткевич, А.Ф. Филиппов

«University Library» Editorial Council:

Natalia Avtonomova, Tatiana Alekseeva, Mikhail Andreev,
Vyacheslav Bakhmin, Maria Vedeniapina, Ekaterina Genieva,
Yuri Kimelev, Alexander Livergant, Boris Kapustin, Frances
Pinter, Andrei Poletayev, Irina Savelieva, Lorina Repina,
Alexei Rutkevich, Alexander Filippov

Дюби Жорж

Д 95

Трехчастная модель, или Представления средневекового
общества о себе самом / Пер. с фр. Ю. А. Гинзбург. – М.: Язы-
ки русской культуры, 2000. – 320 с. – (Studia historica).

ISBN 5-7859-0125-0

Книга Жоржа Дюби, одного из крупнейших французских медиеви-
стов, посвящена социальным представлениям Средневековья. Это прежде
всего история того, что думало средневековое общество о себе самом. Но
это и рассказ о том, как соотносились такие размышления с действитель-
ностью, как они вписывались в более общие идеологические системы, ка-
кие корни они имели в предшествующих эпохах и какое получили разви-
тие в последующих. Если географическое пространство исследования
очерчено достаточно жестко – Север Франции, то мыслительное его про-
странство отнюдь не ограничивается рамками одной проблемы и одного
отрезка истории.

ББК 63.3(4Фра)5-3

Except the Publishing House (fax: 095 246-20-20, E-mail: lrc@koshelev.msk.su),
only the Danish bookseller firm G·E·C GAD (fax: 45 86 20 9102, E-mail:
slavic@gad.dk) has an exclusive right on selling this book outside Russia.

Право на продажу этой книги за пределами России, кроме издательства
«Языки русской культуры», имеет только датская книготорговая фирма
G·E·C GAD.

5-7859-0125-0

ISBN 5-7859-0125-0

9 785785 901254 >

© Editions Gallimard. 1978

© Ю. А. Гинзбург. Перевод на рус. яз., 2000

Электронная версия данного издания является собственностью издательства,
и ее распространение без согласия издательства запрещается.

Оглавление

От автора	7
Поле исследования	9
Появление	21
I. Первое изложение	21
II. Герард Камбрейский и мир	29
III. Адальберон Ланский и королевская миссия	49
IV. Система	60
Происхождение	65
I. Иерархия	69
II. Сердечное согласие	72
III. Порядки	75
IV. Функции: молиться и сражаться	78
V. Троичность	82
<i>Дудон Сен-Кантенский</i>	84
<i>Аббон из Флери</i>	87
<i>Могущественные и бедные</i>	92
<i>Англичане</i>	98
VI. Небесный образец	109
Обстоятельства	117
I. Политический кризис	120
II. Конкурирующие системы	123
<i>Ересь</i>	124
<i>Мир Божий</i>	128
<i>Клюнийская конгрегация</i>	132
III. Феодальная революция	138
Затмение	155
I. Время монахов	157
II. Флери	167
<i>Хельгот</i>	167
<i>Андре</i>	170
III. Ключи	176
<i>Рауль Глабер</i>	176
<i>Крестовый поход и что за ним последовало</i>	181
IV. Новые времена	189
V. Последний взлет монашества	198

VI. В школе	210
Учители из Лана	215
Гуго Сен-Викторский	218
Гонорий Августодунский	223
VII. На службе у князя	231
Гальберт из Брюгге	232
Иоанн Солсберийский	236
Возвращение	243
I. Настоящее начало	243
«Три порядка»	243
Жан из Мармутье и Этьен де Фужер	251
Вокруг Генриха Плантагенета	255
II. Рыцарство	262
Посвящение	262
Превосходство	270
III. Очаги сопротивления в Париже	276
IV. Противоречия феодализма	288
Деньги	288
Социальный страх	292
V. Утверждение	300
Искусство любви	300
Бувин	308

От автора

В декабре 1970 г. я начинаю преподавать в Париже и стараюсь объединить вокруг себя исследователей. Жак Ле Гофф мне помогает. Организуется семинар. Мы вместе решаем поразмышлять над трехчастной схемой общества в ее изначальных проявлениях. В течение трех лет среди этой группы ученых, а также той, которую я по-прежнему возглавляю в Экс-ан-Провансе, дискуссии идут вокруг этой проблемы. Они плодотворны. В марте 1973 г. Жорж Дюмезиль изъявляет согласие на то, чтобы на заключительном заседании мы представили ему наши выводы. Я попытался собрать разрозненные результаты исследования, выстроить их, дополнить, — и получилась эта книга. Не следует приписывать кому-либо из участников работы решающий вклад. Но я не могу назвать всех, кто, порой одной фразой, высветил то или иное место на этом темном поле. Они увидят, чем им обязан этот труд. Для меня важно сказать, что он в немалой степени принадлежит им.

Борекёйль, июль 1978

ПОЛЕ ИССЛЕДОВАНИЯ

«Одни особо посвятили себя служению Богу; другие — охранению государства силой оружия; третьи — прокормлению и поддержанию его мирными занятиями. Это и есть наши три порядка, или основные сословия Франции — Духовенство, Дворянство и Третье Сословие.»

Это утверждение — одно из тех, которыми начинается «Трактат о Сословиях и Простых Званиях», опубликованный Шарлем Луазо из Парижа в 1610 г.; едва выйдя в свет, он приобрел репутацию весьма полезного сочинения и постоянно переиздавался на протяжении XVII в. В таких словах здесь дается определение социальному порядку, то есть порядку политическому, то есть порядку как таковому. Три «сословия», три установившиеся, твердые категории, три иерархические разряда. Как в школе, как в этом образце общества, где детей учат сидеть смирно, быть послушными, знать свое место, подчиняться, делиться на классы, — старшие, средние, младшие: первое, второе, «третье» сословие. Или, вернее, три «порядка» — это слово Луазо несомненно предпочитает. Высший обращен к небу, два других к земле, и все три поддерживают государство, средний порядок обеспечивает безопасность, низший кормит остальных. Итак, три взаимодополняющие функции. Треугольная солидарность. Треугольник: основание, вершина, а главное — принцип троичности, который таинственным образом создает ощущение равновесия.

Ведь когда Луазо чуть дальше, на странице 53 издания 1636 г., доходит до дворянства, он ясно говорит, что эта социальная группа неоднородна, что в ней различные слои, ступени выстраиваются друг над другом, что все здесь зависит от ранга, от старшинства, что люди здесь порой сражаются между собой, чтобы определить, кто первым переступит порог, сядет, покроет голову. Луазо хотел бы внести порядок и в такую запутанную вещь. Он решает разделить это множество степеней на три разряда. Почему на три? Никакая традиция, никакой обычай, никакой авторитет не требуют трехчастного деления в этом случае. *«Ибо, — говорит Луазо, — совершеннейшее деление есть деление на три вида.»* Совершеннейшее: вот в чем дело. В совершенстве. В хитро-сплетениях и беспорядке подлунного мира важно выделить оси гармоничной и разумной конструкции, которая как будто соответствует замыслам творца.

В самом деле, если тройственность главных сословий, или порядков, составляет ту неколебимую основу, на которую намерена опираться монархия Старого Режима, то это потому, что соединение троичных структур, в которое помещены социальные отношения, само включено в глобальные структуры, в структуры всей вселенной, видимой и невидимой. Луазо это утверждает в длинном предварительном рассуждении. Пролог этот не следует читать как формальное украшение. Это разговор по существу. Это обоснование.

«Нужно, чтобы был порядок во всех вещах, и для благоприличия, и для управления ими.» Чтобы каждая «вещь» была на своем месте и чтобы все были управляемы. Возьмем иерархию Творения, три ее этажа. Внизу — неодушевленные существа; они, по всей очевидности, классифицируются по степени совершенства. Надо всем — «небесные разумения», ангелы; они, как мы знаем, распределены по чинам в неизменном порядке. В промежутке — животные; Бог их всех подчинил людям. Что до этих последних — они и составляют

предмет «Трактата», — то они, имея свободу выбирать между добром и злом, живут в наименьшей стабильности; однако *«они не могут существовать без порядка»*; следовательно, ими надо управлять. Вот главная идея: идея необходимости руководства, а значит, необходимости подчинения. Одни подчинены другим. Они должны повиноваться. Луазо здесь прибегает к сравнению из военной области: он говорит о «приказах», которые отдаются и передаются из полка в роту, затем во взвод, и которые следует исполнять без промедления и ропота. Силу армии составляет дисциплина. Она же составляет силу государства. Она дает прочность миру.

Но дисциплина требует неравенства. *«Мы не можем жить совместно в равенстве состояний; необходимо, чтобы одни повелевали, а другие повиновались. Повелевающие делятся на несколько порядков, чинов и званий.»* Приказ идет сверху. Он распространяется иерархическим путем. Последовательность ступеней обеспечивает его распространение. *«Верховные сеньоры повелевают всеми сеньорами в своем государстве, обращая повеления к великим, великие к средним, средние к малым (тройственная иерархия устанавливается сама собой, как видно, между действующими лицами верховной власти, под единым началом ее носителя), а малые — к народу. А народ, который повинуетя им всем (отметим, что линия истинного разграничения именно здесь: между самыми «малыми» из тех, кто повелевает, и народом, который весь целиком должен безмолвно повиноваться, между теми, кто облечен какой-то властью, и стадом, между государственным аппаратом и — хорошими или дурными — подданными), тоже разделен на несколько порядков и рангов так, чтобы над каждым из них были высшие, которые отвечали бы за весь свой порядок перед чиновными, а чиновные перед верховными сеньорами. Так, посредством множества разделений и подразделений, составляется из многих порядков общий порядок (вот поворот, ведущий к трем функциям) и из многих сословий хорошо устроенное государство, где царит добрая гармония и согласие и сообразность в отношениях снизу доверху; так что в конце концов через порядок бесчисленные порядки приходят к единству.»*

По этой теории порядок поконит на множественности порядков, на назывании бинарных отношений, когда один человек отдает приказы другому, который их исполняет или передает. К этой исходной мысли присоединяется другая, менее очевидная: что такая цепь неудержимо стремится к тройственности, что на ее бесчисленные звенья накладываются три функции, то есть три «порядка». Почему? Как? По правде сказать, таинственным образом, во всяком случае, необъяснимым. Необъяснимым? В этом месте рассуждения образуется брешь. Луазо, который так заботится о доказательности, не пытается доказать необходимость подобного наложения. Он просто констатирует: одни, — говорит он, — особо посвятили себя такому служению, те — другому, а эти — третьему. Трифункциональность сама собой разумеется. Она в порядке вещей.

Однако Луазо понимает, что надо было бы подкрепить дополнительным доводом тот постулат, на котором зиждется весь его «Трактат». В заключение пролога он приводит латинский текст, извлеченный из «Декрета» Грациана, *«последний канон восьмидесяти девятого раздела»*. Он не подозревает — или, по крайней мере, не показывает знания, — что этому тексту в ту пору более тысячи лет. Это вступительная часть письма, адресованного в августе 595 г. папой Григорием Великим епископам королевства Хильперика; папа призывает их признать первенство епископа Арльского в делах церковной дисципли-

ны¹. «Провидение установило различные звания (gradus) и раздельные порядки (ordines), дабы если низшие (minores) выказывают почтение (reverentia) к высшим (potiores), а высшие одаляют любовью (dilectio) низших, то из различий возникали бы истинное согласие (concordia) и связь (contextio: слово, относящееся к вещам совершенно конкретным, — ткани, основе). Ведь община (universitas) не может существовать никак иначе, как только если ее хранит всеобъемлющий порядок различия. Тому, что миром нельзя управлять при равенстве, учит нас пример небесных воинств: есть ангелы, есть архангелы, каковые очевидно не равны между собой: одни отличаются от других по могуществу (potestas) и по чину (ordo).» Здесь все. Конечно, не объяснение трифункциональности. По крайней мере, ее обоснование. Ибо если существуют отношения подобия между небом и землей, то устройство человеческого общества непременно отражает устройство общества более совершенного; оно с несовершенством воспроизводит те иерархии, те неравенства, которые поддерживают порядок в обществе ангелов.

* * *

Обращаться к «Трактату о Сословиях» в начале труда, посвященного трифункциональной модели, естественно. Неожидавшее будет выглядеть здесь такое утверждение: есть только *«три дороги для молодых людей — дорога священника, дорога крестьянина, дорога солдата... Духовное сословие, поскольку в нем заключены уже, и в степени более высокой и более чистой, все добродетели солдата... Труд земледельца, поскольку он, помещая человека в постоянное соприкосновение с природой и Создателем, внушает ему добродетели стойкости, терпения и упорства в усилиях, которые естественно ведут его к героизму, необходимому на поле сражения»*. Три «сословия» (этот термин тут есть), три функции (те же самые: служить Богу, охранять государство силой оружия, извлекать пропитание из земли), и в иерархию они выстроены таким же образом. Одно уточнение: те, кого Луазо называет «одни и другие», здесь обозначены как «молодые люди», иначе говоря, взрослые особы мужского пола, пола женского эта классификация не касается. И два различия. Здесь говорится не о «порядках», но о «дорогах», путях, и притом избираемых, о призваниях, хотя они еще и образуют ступени, поскольку один и тот же человек мог бы, должен бы вступать сначала на третий путь, затем на второй, наконец, на первый, и, возлагая на себя в течение жизни поочередно три миссии, таким образом постепенно «восходить» от земли к небу, от «природы» к «Создателю». Итак, последовательные ступени совершенства, «очищения». Шкала добродетелей: рассуждение это скорее моральное, чем политическое; предлагает оно на самом деле аскезу. С другой стороны, эти три «дороги» — не единственные. Они просто хорошие. О других это манихейское рассуждение не говорит ни слова. Ибо оно их осуждает. Оно проклинает, отвергает, уничтожает целую часть общества. Оно провозглашает, что не уклоняются, отвечают на зов Бога только священник, воин, крестьянин. Вот здесь-то и возникает глубокое согласие между утверждениями Луазо и этими, гораздо более поздними: их можно прочесть в сочинении, изданном в Париже в 1951 г. Оно называется «Наше славное ремесло солдата, а также Попытка нарисовать моральный портрет командира», его автор — г. де Торка.

¹ Ep. 54, PL 77, 785—87.

* * *

Есть очень схожий образ совершенного общества, который создают две перекликающиеся фразы, две латинские фразы; перевести их можно так:

1) *«Итак, тройственен дом Божий, который кажется единым: здесь одни молятся (orant), другие сражаются (pugnant), третьи же трудятся (laborant); как-вые трое пребывают вместе и не могут быть разбединены; так что на служении (officium) одного покоятся дела (opera) двух других, и все в свой черед помогают всем.»*

2) *«Он показал, что изначально род людской был разделен на трое, на людей молитвы (oratoribus), землепашцев (agricultoribus) и воинов (pugnatoribus); он представил убедительное доказательство того, что каждый есть с одной и с другой стороны предмет взаимной заботы.»*

Итак, три функции, те же самые три, и похожим образом связанные. Но на сей раз это утверждение идет из глубины веков. Оно было высказано за шестьсот лет до Луазо, за девятьсот пятьдесят лет до г. де Торка, в двадцатые годы XI века Адальбероном, епископом Ланским, и Герардом, епископом Камбрейским.

* * *

Сопоставляя эти тексты, я хотел бы показать, что во Франции на протяжении целого тысячелетия неизменно присутствует некое представление об устройстве общества. Треугольная фигура, на которой в сознании епископов тысячного года зиждилась мечта об обществе едином и троичном, как то божество, которое его создало и которое будет его судить, и где обмен взаимными услугами приводит к единству разнообразие человеческих действий, — эта фигура ничем по сути не отличается от той, с чьей помощью на символической, быстро введенной в обиход первыми шагами гуманитарных наук, была создана теория подведения выстроенного в шеренги народа под иго абсолютистской монархии. И за ту же самую треугольную фигуру в наше время, в тех областях, которые, разумеется, неумолимо сокращаются, но в которых жизнь еще теплится, цепляется тоска по человечеству преображенному, очищенному наконец от той двойной скверны, белой и красной, что порождается большим городом, тоска по человечеству, избавленному разом и от капитализма, и от рабочего класса. Тридцать, сорок сменивших друг друга поколений рисовали себе совершенное социальное устройство как трифункциональность. Такое представление выдержало все атаки истории. Это уже структура.

Структура, встроенная в другую, более глубинную, более обширную, всеобъемлющую, в систему также трифункциональную, которую работы Жоржа Дюмезиля так убедительно связали с различным образом мысли индоевропейских народов. Среди этих трех функций, отмеченных в текстах, которые терпеливо собирались от Инда до Исландии и Ирландии, первая именем неба возвещает правило, закон, то, что устанавливает порядок; вторая, грубая, напористая, принуждает к повиновению; наконец, третья, функция плодородия, здоровья, изобилия, наслаждения, осуществляет «мирные занятия», о которых говорит Шарль Луазо; а с другой стороны — три «порядка» того же Луазо, три «дороги» г. де Торка, священники, воины и крестьяне епископов Камбрейского и Ланского: связь очевидна. Очевидна настолько, что о ней не стоило бы и говорить, если бы не затем, чтобы лучше обозначить границы исследования, результаты которого изложены в этой книге.

В месте пересечения мысли и языка, тесно связанном со структурами определенного языка (я говорю именно об определенном языке — как раз лингвисты выделили в письменной речи треугольник функций, и нужно признать, что найти подобную троичность в способах символического выражения, не прибегаящих к слову, нелегко), существует некая форма, некая манера думать и говорить о мире, некий способ высказываться о воздействии человека на мир, и это и есть та трифункциональность, о какой нам поведал Жорж Дюмезиль: три группы достоинств, которыми наделены боги и герои. К этому орудию классификации с особой непринужденностью прибегают тогда, когда нужно восславить такого-то военачальника, такого-то государя, такую-то возлюбленную с помощью уже не обряда, а панегирика. Таким путем трифункциональная модель переносится обычно с неба на землю, из мечты в реальность; она требуется для выстраивания хвалы некоему человеку; следы ее часто встречаются во множестве жизнеописаний, подлинных или вымышленных. Напротив, явное проецирование этой схемы на общество — вещь совершенно исключительная. «Идеология трехчастного деления», о которой Жорж Дюмезиль всегда говорил как об «идеале и одновременно способе анализировать, объяснять силы, которые обеспечивают ход мироздания и человеческой жизни»², составляет костяк системы ценностей; она действует открыто в сфере мифа, эпоса или восхваления, но обычно остается скрытой, не сформулированной, и на самом деле весьма редко доходит до провозглашения того, какими должны быть общество, порядок, то есть власть. А именно такого рода утверждения подкрепляют все те фразы, которые я процитировал. В этих фразах трифункциональность служит основой для идеального деления людей по разрядам. Она усиливает нормативные, императивные высказывания, которые призывают к преобразовательной, воссоздающей деятельности или убеждают, обосновывают. Трифункциональность, о которой я говорю, — на службе у некой идеологии, у некого «дискурсивного полемического образования, благодаря которому определенная страсть пытается воплотить в жизнь определенную ценность путем осуществления власти над обществом»³. Вот в этом именно и состоит проблема: в том, что из прочих простых, столь же действенных образов был выбран образ трех функций. «Человеческий дух непрестанно делает выбор среди своих потаенных сокровищ. Почему? Как?» Этот вопрос Жорж Дюмезиль формулирует сам⁴. Я как историк его бы немного расширил. Поставив еще два вопроса: где и когда?

* * *

Первый я исключаю, ограничив поле исследования. Я свел его к региону, где и были сделаны процитированные мною высказывания: к Франции, и еще уже — к Северной Франции, чьи политические, социальные, культурные очертания очень долго оставались весьма отличными от тех, что были присущи областям к югу от Пуату, Берри и Бургундии. Мне действительно кажется, что с точки зрения метода следует вести наблюдения над идеологическими системами (особенно если пытаешься датировать происходившие в них изменения) в рамках однородного культурного и социального образования.

² *Mythes et épopées*, tome I, Paris, 1968, p.15

³ G. Baechler. *Qu'est-ce que l'idéologie?* Paris, 1976.

⁴ *Les dieux souverains des Indo-Européens*, Paris, 1977, p. 210.

И я не буду стремиться выходить за рамки этого пространства. Оно может показаться тесным. Отметим, однако, что у него есть немалые преимущества: это область, породившая на редкость богатую литературу, и в ней берет начало франкская монархия. А тот тип, тот способ делить людей на разряды и определять собственный разряд, чью начальную историю я избрал предметом своего исследования, открывается нам прежде всего через литературу; с другой стороны, он тесно связан с представлением о верховной власти.

Остается собственно историческая проблема, проблема хронологии. В очерченном таким образом пространстве я попытался собрать и датировать все свидетельства об идеологии, основанной на социальной трифункциональности. Письменные свидетельства. Наш единственный материал. И довольно ущербный. Как только выходишь за пределы настоящего, обнаруживается, что огромная часть написанного безвозвратно утрачена; а то, что осталось, принадлежит почти исключительно к письму торжественному. Официальному. Историк всегда вопрошает лишь обломки, и эти немногочисленные останки почти все относятся к памятникам, созданным властью; всякая непосредственность жизни ускользает от историка, а вместе с ней все народное; до него доносятся только голоса людей, державших в своих руках аппарат того, что Луазо называет Государством. И поскольку речь идет о хронологии, не забудем, что те немногие даты, которые можно (порой с большим трудом) установить, всегда отмечают явные случаи, тот момент, когда некое мыслительное представление достигает самых высоких уровней письменного выражения, а главное, что те явные случаи, чьи следы случайно сохранились, не всегда самые древние. Как видим, полоса неопределенности очень широка.

По крайней мере, для начала я могу опираться на один факт, который представляется вполне достоверным: в Северной Франции ни один текст не запечатлел трифункциональную картину общества раньше тех, что донесли до нас утверждения Адальберона Ланского и Герарда Камбрейского. Сомнений нет: искали очень тщательно, сам Жорж Дюмезиль, после него Жан Батани, Жак Ле Гофф, Клод Карози и другие. Напрасно. Толстая пачка документов — причем теоретического толка, — оставленная Каролингским возрождением, не дала ничего. Похоже, две латинские фразы, которые я только что цитировал, прозвучали в тишине. Во всяком случае, с них в этом маленьком уголке мира начинается история трифункционального представления об обществе. Но если дата первоначального утверждения установлена, то хронологию восприятия, поддержки, распространения этой модели еще надо выстроить. Все, что сказано о трифункциональности применительно к средневековому обществу, неточно. Послушаем, к примеру, Марка Блока: «Теория, весьма распространенная в то время, представляла человеческое сообщество разделенным на три сословия»⁵. «В то время»: когда? На протяжении «первой эпохи феодализма», то есть, согласно великому медиевисту, в столетия, предшествующие середине XI века? «Весьма распространенная»: что это значит? Послушаем Жака Ле Гоффа, который сумел первым правильно поставить проблему: «Около тысячного года западная литература представляет христианское общество согласно новой схеме, которая сразу же имела большой успех»⁶. Что

⁵ *La société féodale*, 2e édition, Paris, 1966, p. 406.

⁶ *La civilisation de l'Occident médiéval*, Paris, 1964, p. 319. Ср. Жак Ле Гофф. *Цивилизация средневекового Запада*. М., 1992, с. 239.

значит «около»? «Новая»? «Сразу же»? «Большой»: это несомненно? Я хотел бы, ведя исследование на отрезке XI—XII веков, продолжая его до того момента, когда ссылки на три социальные функции, на три «порядка», множатся, когда становится бесспорно, что «теория» «весьма распространена», что «схема» имеет «большой успех», — я хотел бы, насколько это возможно, избегать неопределенности.

Прежде всего я хотел бы ответить на вопрос Жоржа Дюмезиля: почему, как делался этот выбор среди латентных структур? Для этого, я полагаю, нужно как можно точнее очертить рамки нашего исследования. Трифункциональная фигура, как я сказал, — это некая форма. Ее следы можно обнаружить в каком-то количестве текстов. Я не буду рыскать непременно по всем этим следам. Для превращения трифункционального образа в предмет нашего исследования, нашей книги, чьим главным героем он является, нужно, чтобы он действовал внутри некой идеологической системы как одна из ее важнейших пружин. Что он и делает в рассуждении Луазо. Если мы хотим понять, «почему» и «как», важно поэтому не вырывать из контекста — что почти всегда происходило — те фразы, в которых сформулирована тема трех социальных функций. Эти фразы надо оставить на их точном месте, в том целом, в которое они входят. Важно восстановить это целое во всей его полноте, выяснить, при каких обстоятельствах, перед лицом каких проблем, каких противоположных предложений та идеологическая система, которая заключала в себе трифункциональность, была выстроена, чтобы затем ее можно было провозгласить, поддержать, поднять как знамя. Ибо если есть основания оспаривать то утверждение, что трифункциональная схема была «выстроена»⁷, если, будучи латентной структурой, она ускользает от историка, то те системы, для которых эта схема служит одной из опор, бесспорно принадлежат истории. Они формируются и распадаются. И наблюдая внимательно за их зарождением и распадом, мы и получаем какую-то возможность выяснить, почему и как образ функциональной трехчастности был избран в такой-то момент и в таком-то месте.

Очерченное таким образом, наше исследование выходит на другую категорию проблем. Модель трех социальных функций, этот постулат, эта очевидность, существование которой так и не было доказано, которая возникает не иначе как в своих связях с космологией, теологией и, разумеется, моралью, которая служит фундаментом одному из тех «полемических дискурсивных образований», каковыми являются идеологии, а значит, поставляющая власти некий простой, идеальный, абстрактный образ организации общества, — в каких отношениях находится эта модель с действительным устройством общества? Мы хорошо знаем, что идеология — это не отражение действительности, это проект воздействия на нее. Чтобы подобное воздействие имело какой-то шанс на успех, разница между воображаемыми представлениями и «реалиями» жизни должна быть не слишком велика. Но как только речь услышана, возникают новые положения, меняющие способ восприятия людьми того общества, в которое они входят. Изучать систему, содержащую в себе схему трех «порядков», в тот момент, когда она всплывает на поверх-

⁷ D. Dubuisson, «L'Irlande et la théorie médiévale de trois ordres», *Revue de l'Histoire des Religions*, 1975, p. 61, n. 3; автор вправе, возражая мне, утверждать, что теория трех порядков была не выстроена, а, как он говорит, просто «актуализирована».

ность во Французском королевстве, пытаться проследить ее жизнь между 1025 и 1225 гг., со всеми ее успехами и неудачами, — это значит столкнуться с одним из центральных вопросов, поставленных в наши дни перед науками о человеке, вопросом об отношениях между материальным и ментальным в эволюции общества.

И столкнуться с ним при не таких уж плохих условиях. Конечно, избрать «почвой» исследования столь отдаленную эпоху означает — повторюсь — обречь себя на то, чтобы иметь дело лишь с клочками информации, выслушивать только интеллектуалов, еще больше, чем нынешние, разобщенных между собой особенностями своего словаря и своего способа мышления. Но по крайней мере этот документальный материал относительно ограничен. Его можно охватить одним взглядом. И кроме того, работа с таким далеким временем нас освобождает: мы не настолько вовлечены в противоречия феодализма, чтобы это мешало нам демистифицировать идеологию, которая пыталась их преуменьшать или замазывать.

Трудность в другом. Как сравнивать воображаемое и реальное? Как отделить «объективное» изучение поведения людей от изучения символических систем, которые это поведение определяли и оправдывали в их собственных глазах⁸? По силам ли историку полностью совлечь с древних обществ те идеальные покровы, которыми они себя окутывали? Может ли он увидеть их не так, как они о себе грезили, как они о себе рассказывали? Заглянем в себя, медиевисты. А что, если «феодалное общество» кажется нам состоящим из трех сословий потому прежде всего, что эти две фразы, которые я привел, владеют нашими умами так же, как они владели умами наших учителей? Не поработила ли нас самих эта идеология, которую я отваживаюсь демистифицировать? Надо признать, она оказалась достаточно могучей для того, чтобы привести нас — говорю «нас», потому что и я к этому причастен, — к определенным ошибкам, например, заставить нас отнести на полтора века назад становление рыцарства как сословия. За одно это, за ту роль, которая она сыграла в развитии исторической науки, трифункциональная модель заслуживает самого тщательного изучения, сопоставления со всем, что мы можем обнаружить в мире, который постепенно ее усваивал.

Пора перейти к тем словам, которые первыми среди «источников» из Северной Франции ясно изложили эту модель.

⁸ W.H. Sewell, «Etats, Corps et Ordres: Some Notes on the Social Vocabulary of the French Old Regime», *Sozialgeschichte Heute (Festschrift H. Rosenberg)*, Göttingen, 1974.

ПОЯВЛЕНИЕ

I. Первое изложение

Итак, две фразы: «Здесь одни молятся, другие сражаются, третьи же трудятся...»; «изначально род людской был разделен на три, на людей молитвы, земледельцев и воинов». Три вида деятельности: *orare* (молиться), *pugnare* (сражаться), *agricolari-laborare* (возделывать землю — трудиться). Двое ораторов.

Они были заметными фигурами. Поэтому не всякая память об их существовании утрачена¹. Из них старший — Адальберон; он и более известен благодаря той роли — роли предателя, — которую сыграл в передаче короны Франции от Каролингов к Капетингам. Племянник архиепископа Реймского Адальберона, двоюродный брат герцогов Лотарингских, он принадлежал к очень могущественному линьяжу; члены его жили по всей Лотарингии, и в этой обширной провинции им принадлежало изрядное число графских титулов и епископских кафедр. Это очень родовитая знать: Адальберон знал, что в жилах его течет королевская кровь, он вел свое происхождение от предков Карла Великого. Имя, которое он носил, в этой ветви рода получали мальчики, предназначенные к епископскому сану. Обыкновенно они дожидались, пока освободится место епископа, в кафедральном капитуле Меца. И наш Адальберон был каноником в Меце. По всей видимости, свое интеллектуальное образование он завершил в Реймсе, при дворе своего дяди, архиепископа этого города, самого важного прелата в их семье. Во всяком случае, Лотарь, каролингский король Западной Франции, очень быстро сделал его своим хранителем печати и в 977 г. посадил на епископский престол в Лане.

Герард из того же линьяжа. Более того, недавние брачные союзы еще теснее связали его ветвь с ветвью Адальберона — тот был двоюродным братом его матери². Герард тоже учился в Реймсе. Карьеру он делал не в Западном, а

¹ R. T. Coolidge, «Adalbero, Bishop of Laon», *Studies in Medieval and Renaissance History*, II, 1965; C. Carozzi, *Le «Carmen ad Robertum regem» d'Adalbéron de Laon. Edition, traduction et essai d'explication*, — диссертация, защищенная в 1973 г. в Парижском Университете IV; T. Schieffer, «Ein deutscher Bischof des 11. Jhd, Gerard von Cambrai (1012—1051)», *Deutsches Archiv*, 1937; H. Sproemberg, «Gerhardt I, Bischof von Cambrai (1012—1051)», *Mittelalter und demokratische Geschichtsschreibung*, Berlin, 1971.

² Вот, согласно работе: M. Bur. *La formation du Comté de Champagne. Vers 950, vers 1050*, Nancy, 1977, pp. 128, 204, родственные связи между Герардом и Адальбероном:

в Восточном королевстве. В Ахене, в капелле, он присоединился к группе духовных лиц высокого происхождения, которые служили императору Генриху II. Этот государь, опираясь на родственников Адальберона, стремился восстановить власть германских королей над Лотарингией. В 1012 г., даже прежде, чем епископ Камбрейский испустил последний вздох, король Генрих, опередив графа Фландрского, хотевшего посадить на это место своего родственника, вручил епископскую власть, с которой вот уже пять лет была соединена графская власть в этом придорожном городе Французского королевства, Герарду — человеку очень молодому, но очень надежному.

Двое людей, которые первыми, насколько нам известно, обратились к теме социальной трифункциональности, были близкими родственниками. Оба воспитывались в Реймсе. В этом столичном городе, при дворе архиепископа, викарными епископами которого оба были, они часто встречались; они разговаривали, во всяком случае, говорили в присутствии друг друга. Принадлежа к лотарингской аристократии, которую использовали в борьбе между собой короли Германии и Франции, Адальберон и Герард были вовлечены в одни и те же политические хитросплетения. Они исполняли одни и те же обязанности. Если оба они заговорили о трех функциях, то это прежде всего потому, что оба были епископами.

* * *

На пороге XI в. престол, кафедра (*cathedra*) епископа стоит на остатках римского города. Из города его власть простирается до пределов провинции, *civitas*, до границ, прочерченных при Поздней Римской империи и все еще действующих, отделяющих один диоцез от другого. В пределах каждой из этих территорий епископ — пастырь, он отвечает за стадо. Бог истинный вручил ему своих верных. Для блага всего народа он возглавляет совершенные таинства. Он помазывает святым миром. Двумя столетиями раньше его, кроме каких-то исключительных случаев, почитали бы за святого; он продолжал бы действовать и после смерти, являлся бы во сне, проповедовал, предупреждал, укорял; из своей гробницы он раздавал бы проклятия или благословения. В тысячном году дела обстоят уже не так. Однако по-прежнему важно, чтобы епископ был высокого происхождения, чтобы в крови его была ха-

Об этой генеалогии см.: Blavitschka, *Die Anfänge des Hauses Habsburg-Lothringen. Genealogische Untersuchungen zur geschichte Lothringens und des Reiches im 9., 10. und 11. Jhd.*, Sarrebruck, 1969.

ризма, предопределяющая функции посредника. Если все епископы Меца и Реймса носят имя Адальберон и если все они — отпрыски Арденнского дома, то объясняется это скорее магическими причинами, чем стратегией семьи: только определенные роды считаются обладающими властью сообщаться с невидимым.

Но нужно еще, чтобы эта потенциальная власть была актуализирована обрядом. Это миропомазание, посвящение. Епископ — фигура священная, Христос, помазанник Господень; впитываясь через кожу, проникая во все тело, мир навсегда одаряет его божественной властью. В частности, он может передавать священнические функции другим, помазывая их святым миром. Он рукополагает во священники. Епископ благословляет определенных людей под его контролем изгонять бесов в деревнях его диоцеза. Ни один человек в его диоцезе не может приносить жертву, совершать обряды, произносить молитвенные формулы, если его не поставил на то епископ. Епископ образует клир (*clerus*). Он простирает над клиром свою отцовскую власть. Через духовное усыновление все сакраментальные действия исходят от него.

Посвящению в епископский сан он обязан и другим даром: мудростью, *sapientia*, взглядом, проникающим сквозь завесу кажимостей и различающим потаенные истины. Ключи от истины держит только епископ. Чрезвычайная привилегия, которую умеряет только обязанность распространять истину. Учить тех, кто не ведает, возвращать на праведный путь тех, кто от него отклонился. Словом. Епископ — мастер слова. Определенного слова. Он пользуется древним языком, которого большинство людей вокруг уже не понимает, но на который в императорском Риме, обратившемся наконец в христианство, семь веков назад было переведено Священное Писание. Поскольку епископ — толкователь слова Божьего и поскольку в тех краях это слово — прекрасная латынь IV века, епископ — хранитель классической культуры. В его резиденции, высящейся среди античных руин, сберегается в море деревенского варварства то, что уцелело к тысячному году от книжного языка, от языка правильного, упорядоченного, от чистой латыни. Епископский престол — это очаг постоянного возрождения латинской словесности. Инструментом такой культурной функции служит укромное помещение, примыкающее к собору, школа — кучка людей всех возрастов, занятых перепиской текстов, анализированием фраз, этимологическими фантазиями; они непрерывно, обмениваясь между собой знаниями, создают эту драгоценную первичную материю, это сокровище, — слова проповедей, заклинаний, слова Божии.

* * *

Одно из этих латинских слов, глагол *orare*, обозначает двойную миссию епископа — молиться и проповедовать, что, впрочем, одно и то же. Рукоположение поместило епископа как раз в точке пересечения небесного и земного, невидимого и видимого. Он говорит то с одной стороны, то с другой. Чтобы убедить, чтобы снискать расположение. Епископ словно отстаивает свою правоту в судебных прениях, как делали некогда на трибуне форума, и это побуждает его искать у Цицерона рецептов действенной речи. Он произносит попеременно те слова, что, будучи обращены к небу, должны вызвать в ответ излияние благодати, и те, что разъясняют на земле откровения божественной премудрости, *sapientia*. Поскольку положение его срединное, посредническое, епископ должен особо содействовать восстановлению гармонии между

двумя мирами, того необходимого согласия, которое Лукавый беспрестанно старается разрушить. С помощью клириков, которых он сам рукоположил и сам наставляет, он должен постоянно отсекай дурное, отделять зерна от плевел, рассеивать тьму. Он, епископ, просвещает народ, увещевает его, и для этого обращается прежде всего, непосредственно, к тому персонажу, который с ним связан, который, подобно ему, тоже *prelatus*, избранный Богом в силу достоинств его крови, поставленный Богом впереди остальных, чтобы вести их за собой, но который управляет ими в сфере земного, материального, плотского: первый из прихожан епископа, тот, которого он наставляет прежде всего, — это король, или князь, человек, «милостью Божией» наделенный верховной властью, *principalis potestas*; как государь, он ведет ту часть стада, которую не ведет епископ, тех, кого в отличие от духовенства, *clerus*, называют народом, *populus*³. По каролингской традиции, епископы XI в. чувствуют себя обязанными держать зеркало перед королями и князьями. Одно из тех зеркал полированного металла, какими пользовались в ту эпоху; они плохо отражали лица, однако изъяны показывали и тем помогали их исправлять⁴. Епископская речь, обращенная к князьям земным, имеет именно эту цель: напомнить им об их правах, об их обязанностях, о том, что не от мира сего. Побудить их действовать, восстанавливать порядок. Тот порядок, образец которого епископ видит на небе. Речь епископов — политическая, она призывает реформировать социальные отношения. Это проект общества. В каролингской традиции епископат — это естественный производитель идеологии.

* * *

А Герард и Адальберон оба были каролингскими епископами, самыми каролингскими из всех. По корням своего рода. Но и потому также, что Реймская церковная провинция, куда входили оба их диоцеза, составляла самое сердце страны франков, *Francia*. Архиепископ Реймский Ремигий крестил Хлодвигу. Его преемники претендовали на монопольное право короновать короля западных франков⁵. За полтора столетия до тех дней, когда императорская власть стала неуклонно смещаться к Востоку, в Ахен и в Рим, архиепископ Реймский Хинкмар сосредоточил лучшие плоды Каролингского возрождения между Реймсом и Компьенем, между Парижем и Ланом (в жестах он называется «Мон Лон»; это последнее пристанище Карла, сына последнего каролингского властителя, которого архиепископ Реймский Адальберон в 987 г. лишил его прав, поддержав избрание королем узурпатора Гуго Капета, и которого наш Адальберон, епископ Ланский, предал). Мец расположен на окраине исконной провинции: это опасная точка, вклинивающаяся в дику Австрию. Но политика других франкских королей, королей Востока, королей Германии, усаживавших лотарингских священников епископами в Реймс, Камбре, Лан, стремилась именно к тому, чтобы все это захватить, отобрать себе это хранилище культуры. Соборы Камбре и Лана, равно как и

³ О том месте, которое занимал *princeps*, см.: K. F. Werner, «Westfranken — Frankreich unter den Spätkarolingern und frühen Kapetinger (888—1060)», *Handbuch der europäischen Geschichte*, T. Schieder ed., I, Klett, 1977.

⁴ J. Batany, *Approche du Roman de la Rose*, Paris, 1973.

⁵ P. E. Schramm, *Der König von Frankreich. Das Wesen der Monarchie vom 9. bis zum 16. Jhd.*, 2e éd., 1966.

Реймский собор, запечатлели формы политической жизни франков. В их книжных собраниях больше чем где-либо оставалась живая, запечатленная латынью риторов, память об этих формах. Епископам этих городов надлежало поддерживать подобное воспоминание, вдохновляться им, чтобы своими речами помогать управлять королевствами как должно.

Город Лан принадлежал к Западному королевству. Камбре — к Лотарингскому королевству, растворившемуся в королевстве Германском. Королевство западных франков, то есть Франция; королевство восточных франков, то есть Империя, — два государства, разделенные Шельдой и Маасом. Их властители, родичи, оба — наследники Карла Великого, равные по влиятельности, представлялись авторам начала XI в. двумя столпами христианского мира, призванными любить друг друга братской любовью и время от времени встречаться на границе, чтобы вместе решать проблемы, общие для всего народа Божьего. В 1937 г. Т. Шиффер (Schieffer) доказывал, что Герард Камбрейский — немецкий епископ; политические страсти увлекли этого замечательного ученого за пределы разумного: Герард был лотарингцем, а не немцем. Он говорил на романском языке, а не на германском. Да, он жил при капелле германского короля; он был ему верен; в 1015 г. он старался убедить графа Намюрского и графа Геннегауского, своих родственников, признать власть нового герцога Нижней Лотарингии, также его родственника; его главным противником был граф Парижский. Да, город Камбре принадлежал Империи. Но к этому городу был присоединен древний город Аррас, который был столицей королевства Франции. Так что — об этом рассказывает хронист Сигиберт из Жамблу — Герард был единственным лотарингцем, который относился к франкской епархии, *parrochia francorum*. Он был равным образом связан с королем Франции, и это толкало его к стране франков, *Francia*, не меньше, чем его культура. Когда Капетинг призвал прелатов своего королевства собраться вокруг него, Герард поспешил это сделать. На Пасху 1018 г. он был в Лане, вместе с королем Робертом Благочестивым и, разумеется, с епископом Адальбероном. Он участвовал в 1023 г. в большом собрании в Компьене, созванном королем Робертом, чтобы реформировать Церковь, то есть мир. Занимая на самом деле два епископских престола, один из которых был королевским, Герард Камбрейский и Аррасский принадлежал — конечно, не так прочно, как Адальберон Ланский, — к числу тех епископов, окружавших капетингского короля, которые, в своем качестве «ораторов», сменяя друг друга, наполняли его слух непрерывными моральными рассуждениями, вернее, вели с ним диалог.

Ведь в тысячном году у короля с епископами было то общее, что он тоже был помазан. С середины VIII в. тело короля франков также пропитывалось святым миром. А следовательно, он был причастен духом к *sapientia*, премудрости. Он принадлежал к мудрецам, таинственным образом извещенным о божественных намерениях, к *oratores*. Адальберон прямо говорит об этом Роберту: «Королю дана способность (*facultas*) быть оратором»⁶, напоминая ему, что он должен, подобно епископам, выискивать, выслеживать тех в народе, кто сбился с правильного пути, вознаграждать и карать, как то будет делать Бог в день Страшного Суда. Однако у королевской особы положение двойственное. Король держит в руках не только скипетр, но и меч. Он обязан посвя-

⁶ *Carmen*, v.366 (я ссылаюсь на издание, подготовленное К. Карози).

щать значительную часть своего времени делам войны. А это уводит его из школы. Если «премудростью» он обладает, то культурой обладает не в полной мере. Конечно, вошло в правило воспитывать наследника трона так же, как будущих епископов: когда он был еще всего лишь герцогом Французским, Гуго Капет — что многое говорит о его надеждах на будущее — послал своего сына Роберта учиться в школу для епископов, и как раз в реймскую. Итак, король может прочесть латинский текст, пропеть молитву. Но он знает недостаточно для того, чтобы извлечь всю благодетельную силу из света, струящегося с неба. Ему нужны те, кто помог бы расшифровать это послание. Такие помощники — это другие «*oratores*»; они-то не отвлекаются, подобно ему, от размышлений о вещах священных ради солдатских забот. Функция их состоит в том, чтобы переводить в слова то, что помазание позволяет королю смутно угадывать. Ибо у епископов есть преимущество перед королем: они сведущи в искусстве риторики. Что дает им право ставить свое положение выше, чем королевское. Собственно говоря, это положение учителя. «*Риторика, опирающаяся на гражданскую мораль, есть источник всякой благоустроенной жизни*»: это положение, перефразирующее слова из цицероновского трактата *De inventione* («О нахождении темы»), сформулировал Герберт, когда был руководителем реймской школы и когда Герард, возможно, посещал его уроки. Во всяком случае, интеллектуалы из соборных капитулов видят в риторике средство управлять, и управлять прежде всего действиями князей, которые как бы подчинены (*subditi*) епископскому слову. Так думает Адальберон, и очень ясно это высказывает: «Он (Бог) Своей заповедью подчинил им (священникам) *весь род людской*; “*весь*”, что значит не исключая ни одного князя (*principes*)»⁷. Адальберон Ланский и Герард Камбрейский считают себя учителями (*magistri*) короля Роберта Французского, как Алкуин был учителем Карла Великого⁸, а Хинкмар — Карла Лысого. Они видят свою миссию в том, чтобы открывать королю основания его земной деятельности, и в особенности — потаенные законы человеческого общества. То есть его трехчастность. Два епископа, два родственника высказывают одну и ту же мысль одному и тому же человеку. Хором, в унисон? Когда же они заговорили о трех социальных функциях?

* * *

Датировать две фразы, ставшие отправной точкой нашего исследования, непросто: те, кто их записал, не дали себе труда сопроводить их какими-либо хронологическими отсылками, которые облегчили бы нашу задачу.

Слова Адальберона вставлены в поэму, обращенную к королю Роберту; рукопись ее, тщательно изученная Клодом Карози, — это не автограф; однако пометки в ней позволяют думать, что работа над ней под наблюдением епископа Ланского длилась вплоть до того момента, когда, оставаясь незавершенной, она была прервана смертью прелата — или смертью короля; обе они случились в 1031 г. Во всяком случае, еще незадолго до этой даты автор над рукописью работал. То, что он говорит о Кюни, дает основания предпо-

⁷ *Carmen*, v. 258—259.

⁸ L. Wallace, *Alcuin and Charlemagne*, Ithaque, 1959 (*Disputatio de rhetorica* Алкуина — это также трактат о королевском сане); W. Ullman, *The Carolingian Renaissance and the Idea of Kingship*, London, 1969.

ложить, что он задумал свой труд после подтверждения папой привилегий этого монашеского ордена. То есть после 1027 г. 1027—1031: узкий промежуток, редкая мера точности для сочинений такого рода.

Герард Камбрейский сам не диктовал интересующей нас фразы. Она заведительствована во вступлении к одной произнесенной им речи, в 52-ой главе книги III некого труда, хорошо известного медиевистам, знаменитого в свое время, многократно переделанного и переписанного, использованного во множестве хроник: *Gesta episcoporum cameracensium*, «Жеста о епископах Камбрейских»⁹. Это один из тех сборников панегирических жизнеописаний, которые составлялись в то время во многих соборах латинского христианского мира во славу покойных епископов. Труд этот не датирован, и в отличие от поэмы Адальберона, мы не имеем его оригинальной рукописи. Она дошла до нас переделанная, перепутанная, раздробленная неким позднейшим продолжателем. Исходя из остроумных критических наблюдений Э. ван Мингрота (Mingrot)¹⁰, можно предположить, что фрагмент книги III, в котором содержится высказывание о трехчастном делении общества, принадлежит к первоначальной редакции текста, то есть что оно было записано неким каноником собора, очень близким к Герарду, не в 1044 г., как думали до сих пор, а самое позднее — в первые месяцы 1025 г.¹¹ Это хронологическое уточнение важно: оно устанавливает, во-первых, что Герард очень пристально следил за тем, как создавался весь текст, призванный прославить его заслуги, что тот, кто его писал, во всяком случае не искажал мысли епископа, и что, следовательно, это именно он прибегнул к теме трех функций, чтобы подкрепить определение социального порядка. И во-вторых, оно устанавливает, что эта речь была произнесена не в 1036 г., как мы думали, а в 1024 г. То есть до того, как Адальберон приступил к своей поэме.

1024—1031: хронологический промежуток расширяется, но едва заметно. Я сказал «две фразы»; на самом деле они составляют одну. В один голос Адальберон и Герард ссылаются на постулат социальной трифункциональности. Единственная разница между ними — в тоне. Герард был человеком молодым, деятельным; он преследовал еретиков, спорил на ассамблеях; он говорил, а труд записывать свои слова оставлял другим. Адальберон же к тому времени носил епископский сан более полувека, это был убежденный сединами старец, который писал сам и тщательно отделял написанное.

Но каноник, сочинявший «Жесту о епископах Камбрейских», также не пренебрегал отделкой текста. Как и его патрон-епископ, как и Адальберон, он почтительно склонялся перед правилами риторики. Он писал, не сводя глаз с «авторитетов», *auctores*, стараясь не отклоняться от образцов прекрасного стиля и неопровержимой убедительности, оставшихся в наследство от былых времен, от золотого века латинской христианской словесности. Не будем забывать — слова, в которых говорится о трифункциональности, содержатся в текстах прилежно отглаженных, отшлифованных, в произведениях искусства, осмотрительно предложенных вниманию узкого кружка знатоков,

⁹ MGH, 88, VII, p. 485.

¹⁰ «Kritisch onderzoek omtrent de datering van *Gesta episcoporum cameracensium*», *Revue Belge de Philologie et de l'Histoire*, 1975.

¹¹ G. Duby, «Gérard de Cambrai, la paix et les trois fonctions sociales. 1024». *Compte rendu des séances de l'Académie des Inscriptions et Belles-Lettres*, 1976.

Научное издание

Дюби Жорж
**ТРЕХЧАСТНАЯ МОДЕЛЬ,
ИЛИ
ПРЕДСТАВЛЕНИЯ СРЕДНЕВЕКОВОГО ОБЩЕСТВА
О СЕБЕ САМОМ**

Издатель А. Кошелев

На обложке: Перенесение Тернового Венца Иисуса Христа
В Собор Парижской Богоматери.
(Миниатюра из «Больших французских хроник».)

Корректор Г. Г. Амелин

Подписано в печать 20.01.2000. Формат 70х100 1/16.
Бумага офсетная № 1, печать офсетная, гарнитура Баскервилл.
Усл. печ. л. 25,8. Заказ № 1749

Издательство «Языки русской культуры».
119847, Москва, Зубовский бульвар, 17; ЛР № 071105 от 02.12.94.
Тел.: 207-86-93. Факс: (095) 246-20-20 (для аб. М153).

Каталог в ИНТЕРНЕТ
<http://postman.ru/~lrc-mik>

Отпечатано с оригинал-макета в ППП «Типография "Наука"».
121099, Москва, Г-99, Шубинский пер., 6.

*

Оптовая и розничная реализация — магазин «Гнозис».
Тел.: (095) 247-17-57, Костюшин Павел Юрьевич (с 10 до 18 ч.).
Адрес: Зубовский б-р, 17, стр. 3, к. 6.
(Метро «Парк Культуры», в здании изд-ва «Прогресс».)

Foreign customers may order the above titles
by E-mail: Lrc@koshelev.msk.su
or by fax: (095) 246-20-20 (for ab. M153).